ПЛАХТИЕНКО, ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

участник Великой Отечественной войны

г. Топки

ГРАНИЦА

Рано утром части 33-й армии пошли в наступление. Мы пытались отбить Вилкавишкис. После упорных боёв удалось занять несколько пристанционных построек на северной окраине. Овладеть городом в этот день не смогли. Фашисты у своих границ сопротивлялись отчаянно.

Люди устали. Смертельно хотелось спать. По небу клубились тяжёлые низкие тучи. Вот по жесткой траве, по кустам ударили первые капли дождя. Пыльные шарики раскатились по тропинке. И вдруг дождь, как из ведра. Укрыться негде. Да и не пытаемся: через минуту сухой нитки ни на ком не было. Струи дождя, смывая пот и пыль, бежали по шее, липла к телу мокрая гимнастёрка, в сапогах переливаясь между пальцами «чмокала» вода. И всё-таки – спать, спать… Так и лежали на мокрой земле у Залесья, на берегу Шеймены, перед Вилкавишкисом.

11 августа затих бой. Обе стороны перешли к обороне. Особое внимание уделялось противотанковой обороне. Всем командирам орудий приказали составить карточки противотанкового огня. Углублялись орудийные окопы, расчищались сектора обстрела, совершенствовалась система наблюдательных пунктов. Солнце печёт. Донимают мухи. Катков с Малецким, захватив котелки, ушли в лощинку, чтобы «фриц не попутал», готовить обед.

Вдруг вызывает командир дивизиона Корепанов и сообщает, что меняем НП! Идём втроём: Корепанов, Вася Белевитин, командир батареи и я. Мы шли краем леса в Зелёнку, в «К-17»,так называется населённый пункт с 17 домами. Корепанов там собирался занять НП. Уж очень хорош был оттуда, с церкви, обзор. Немцы – вслепую методично простреливали по лесу из миномётов. То вдалеке, то совсем близко с оглушительным треском, не долетая до земли, в верхушках деревьев лопались мины. Над головами косо проносились чёрные, едкие дымы. На землю сыпались ветки и стаи зелёных листьев. Жутковато. Но нам неудобно трусить перед майором. А он, как

будто не замечает фырчащих вокруг осколков, идёт себе спокойно, даже не пригибаясь. Умел этот учитель географии из Удмуртии, в общем – то не самый уравновешенный из нас, под обстрелом держаться спокойно.

Вдруг, майор остановился, потрогал гимнастёрку выше пряжки. По светлому английскому сукну расплывалось коричневое пятно. Молча расстегнул ремень, приподнял гимнастёрку.

– Что у меня там? – недовольно пробурчал, стараясь рассмотреть рану и оттопыривая нижнюю губу.

На белом животе – неожиданный контраст с цветом лица и шеи – красная рана. Достали пакет, перевязали.

– Вам помочь?

– Нет. Сам дойду. Идите, занимайте ГП. Там уже должна быть готова связь.

Майор, несмотря на продолжающийся обстрел, один пошёл на огневые позиции. Там сдал дивизион начальнику штаба капитану Сивакову, штаб поручил капитану Вдовину и только после этого уехал в бригадный медпункт. Ну и выдержка! Ведь в живот! Такого ранения мы очень боялись.

К счастью, всё обошлось. Вылечили нашего майора, через пару месяцев он вернулся в дивизион.

В эти дни в бригаду на должность командира 9-й батареи вместо Вдовина пришёл после госпиталя лейтенант Владимир Никитович Белоус. Тихий, скромный, неприметный, он скоро стал любимцем солдат. Бывало, присядет где-нибудь в сторонке с гитарой, тронет струны, и плывёт печальная песня, сложенная кем-то в первые, самые горькие годы войны:

Раскинулись рельсы стальные,
По ним эшелоны стучат.
Они с Украины вывозят
В Германию наших девчат…

Позже, с Вислы, став Героем Советского Союза, Володя поведёт первую батарею до самой Победы.

Утро 15-го выдалось пасмурным, в полдень полил дождь. После десятиминутной артподготовки мы перешли в наступление. Нас хорошо поддержали бомбардировщики и штурмовики. Начавшаяся в неурочный час – 12.05 – наша артподготовка оказалась неожиданной для противника, привыкшего, что русские начинают артподготовку утром.

Мы снова форсировали Шеймену и, отражая беспорядочные, наспех организованные контратаки, к вечеру овладели Андрекайме, Будзишки, Жвангучи, Потомкини, Шелкайце. В Вилкавишкисе заняли мехзавод, и бои пошли на северной и восточной окраинах.

К вечеру дождь утих. Небо очистилось. Косые лучи уходящего солнца высветили дымящиеся руины, обсыпанные красной кирпичной пылью.
Бой продолжался. В подбитом немецком танке занял НП комбат-3 Семёнов. Тесновато. Да и воздух не очень свежий. И Погибший экипаж тоже в машине.
Вынести некогда: двадцать танков движутся на нас. Кое-где пехотинцы попятились. А тут ещё втиснулся «батя». И как он везде успевает?
Комбат ведёт огонь по танкам. Горячится. Торопится. Вот уже пятый танк загорелся. Бегут фрицы!
– Молодец, Анка! Так их – кричит Семёнов в трубку старшему офицеру своей батареи Анне Ивановне Малофиевской.
– Да и вы, Семёнов, молодец, – говорит «батя», вылезая из танка, – Молодец!
Южнее Семенелишек комбат-четыре Манин лупит по фрицам из их же 105 миллиметровой пушки. Это трофейное орудие – резерв батареи. По крайней мере, не надо спрашивать расходы снарядов – сколько угодно, чужие!
На следующий день, рано утром, старшина Кашин, он теперь за командира взвода управления, обогнав негустые цепочки нашей пехоты, двинулся с разведчиками вперёд. Довелось побывать в хуторке на берегу озера Поезиоры. Хозяин сказал, что немцы только что ушли.
Туман сгущался. То и дело попадались убитые. Наши. А вот раненый. Целую неделю, говорит тут пролежал. Вот ещё, ещё. Кашин шёл следом за отступающими немцами так близко, что сквозь туман слышал их голоса на фоне непонятного глухого шума. Когда же разведчики поднялись на возвышенность, то сквозь поредевший туман увидели в пыльном облаке стадо коров. Фашисты угоняли уцелевший скот.
А сзади, в Вилкавишкисе, ещё день и всю ночь шёл бой. За каждую улицу, за каждый сохранившийся дом. Утром 176 августа силами двух дивизий 344-й и 222-й Вилкавишкис был полностью очищен от фашистов. Теперь уже окончательно.
В это же утро, 17 августа 1944 года, произошло знаменательное событие Великой Отечественной войны. Справа, за излучиной Шешупы, командир 2-го батальона 297-го полка184 стрелковой дивизии 5-й армии капитан Георгий Никитович Губкин собрал на КП офицеров. Он отдал приказ восстановить государственную границу СССР на участке его батальона.
Взлетела, шипя, ракета. Описав в небе дугу, высветила дрожащим неживым светом посадку у дороги, за ней клеверное поле, а дальше - морковные крыши Ширвиндта с тёмной громадной двуглавой кирхи. Все напряжённо вглядывались в темноту, в сторону чужой, вражеской земли. И вдруг,

предутреннюю тишину разорвал грохот канонады. Вот поредели разрывы перед посадкой, огонь перенесли в глубину.
– В атаку! Вперёд! – скомандовал комбат Губкин и одним рывком выскочил из окопа. Впереди уже бежали его солдаты. Вот и траншея. Пущена в ход «карманная артиллерия» – гранаты. Ещё рывок – и батальон на клеверном поле. Но огонь фашистов всё плотнее. Без устали строчат автоматы, татакают пулемёты, рвутся мины, откуда-то из Пруссии бьёт артиллерия.
– Обойди хутор! – приказывает Губкин командиру одной из рот.
–Артиллерист! Весь огонь – по хутору!
И опять, метр за метром, где ползком, где коротким, отчаянным рывком, батальон всё ближе подходит к тому месту, где на карте Губкина красная душка огибает кружок с номером 56 – пограничный столб. Уже совсем светло. Слабеет огонь врага. Смятое клеверное поле позади. Солдаты выбивают из хутора последних фашистов. Вот и Шешупа! Граница! Теперь вся Родина позади. Они были первыми советскими солдатами, наступившими на границу фашистской Германии.
Произошло это в 7.30 между сохранившимися, правда только на карте, пограничными столбами 56 и 57 , в двух километрах севернее Наумиестиса. Как раз напротив Ширвиндта, в котором двумя неделями раньше рвались первые советские снаряды- снаряды ершовцев.
Операция «Багратион» успешно завершилась. 19 августа 2-й Тацинский был снова выведен во второй эшелон.
27 августа из состава 33-й армии ушла в оперативный резерв фронта 4-я гвардейская артиллерийская дивизия. На следующий день убыли четыре дивизии в распоряжение фронта. Уехал в тыл КП армии. Ушло в распоряжение фронта управление 19 стрелкового корпуса.
Фронт переходил к обороне. По всему было видно, что потрёпанную 33ю армию выводят из боёв.
1 сентября полковник Ершов получил боевое распоряжение, что армия с вечера совершает марш в новый район сосредоточения. Артиллерия движется отдельной колонной. Ночью части 33-й армии сдавали районы обороны войскам 11-й гвардейской армии. До границы нам оставалось 6250 метров.
К утру 2 сентября соединения армии начали сосредотачиваться в указанных районах. Наша бригада здесь, у озера Поезиоры, в восьми километрах восточнее Вилкавишкиса, в глубоком тылу, впервые разулись и спокойно выспались. И заслуженно.
За месяц боёв у границы, ершовцы уничтожили, как сказано в бригадном оперативном отчёте, двадцать семь 75 миллиметровых орудия, тридцать

шесть 106 мм орудия, пятнадцать 81 мм миномётов, семнадцать танков, пять самоходок. И это только на счету одной нашей бригады!

ВИСЛА

И вот тревожная ночь перед наступлением. Фашистская артиллерия методично и систематически «работает» по площадям. То и дело слышен противный хриплый вой вражеских снарядов. А следом и грохот разрывов, как будто земля рвётся на части. Иногда снаряды пролетают далеко за наши огневые позиции. И с сосны видно, как они рвутся там, на Висле, вздымая сверкающие столбы битого льда и воды. Но здесь на плацдарме всё идёт своим чередом. Все заняты своей нелёгкой работой.

А командиры батарей сверяют данные артподготовки с таблицей огней у огневиков, обеспеченность «огурцов» по огням. Командиры дивизионов проверяют готовность дивизионов. Все, кто не связан с этим, отдыхают, чтобы набраться сил перед трудовой работой.

И вдруг подана команда: – Дивизион, внимание!

И утренняя рассветная тишина огласилась сплошным рёвом артиллерийской канонады. Орудия всех калибров начали мощное артиллерийское наступление. Кажется, мир переворачивается от гула. Слева из клубов дыма с оглушительным шумом взвились огненные струи «катюш». Отдельных выстрелов не слышно, всё слилось в общий сдавливающий голову рёв. Десять минут беспрерывного огня. Трёхминутный перерыв – и снова команда «огонь!». Снова артналёт. Солдаты, разгорячённые боем, давно сбросили шинели, телогрейки.

Долго не умолкал гул орудий. Размеренно ухали, грохали, хлопали системы разных видов и калибров. Огневой налёт. Молчание. Методический огонь. Перенос огня в глубину. Опять огневой налёт. После первых пятнадцати минут артподготовки передовые батальоны дивизий атаковали первую траншею противника, заняли её и продолжали успешно продвигаться вперёд.

За передовыми батальонами пошли и наши разведчики. Ещё темно. Стараясь не отстать от пехоты, подошли к заграждениям. Вот немецкая проволока.

Цепь стрелков, а за ними и мы отходим вправо. Непонятно почему пехота свернула вправо. И тут вдруг замечаю вокруг на земле, со всех сторон, маленькие плоские коробочки. Они слегка присыпаны песком и остатками снега. Мины! Противопехотные. Всё ясно. Пехота свернула в проход! И нас завела. Осторожно, балансируя между зловещими коробочками, – это тебе

не противотанковые, на которые человеку и наступить можно – тоже выбираемся вправо. Пронесло!

Идём. Изредка «огрызаются» беспорядочными одиночными разрывами отдельные орудия. Сверяю движение с картой-бланковкой. На карте впечатаны фиолетовым цветом данные воздушной и агентурной разведки.

Вот южнее Рудки, фиолетовый кружок со стрелкой: дзот. Точно!

Из распахнутой двери тянет «фрицевским» запахом: смесь туалетного мыла, бритвенных палочек и эрзацбензином. Дальше ход сообщения. На карте треугольничек – НП на склоне высоты, у поворота грунтовой дороги. Спрыгиваю в окоп. На земляном полу валяется панорама местности. Простым карандашом, нарисованная на длинном, с метр, листе плотной бумаги. Не очень уж здорово нарисованная. Саша Исаев рисует эти панорамы лучше.

В овражке, южнее Нова Мшадла, на моей карте обозначена миномётная батарея. А тут – просто завалившийся погреб. Стропила из ямы глядят в небо. Похожие на миномётные трубы. Они и ввели, вероятно, в заблуждение дешифровщика.

Наша батарея подавляла во время артподготовки две 105-миллиметровые батареи врага. Вот за деревушкой Кшивда одна из них. Два орудия разбиты прямыми попаданиями. Одну пушку, видно пытались вывести. Тягач подцеплен, жёлтый, для Африки, вероятно, предназначался. Так и стоит на аппарели.

Погода никак не налаживается. Изморось с утра. За весь день авиация так и не появилась. Ни наша авиация, ни противника.

Используя успех передовых батальонов, были введены в бой главные силы. К концу дня, преодолев всю тактическую глубину обороны противника и пройдя около 12 километров, наша пехота вышла на рубеж Межонка – Барыч – Ясенец – Солецки – Цепелюв. Небывалый успех.

Вечером, когда совсем стемнело, для преследования отходящего противника были высланы передовые отряды – усиленные стрелковые батальоны от дивизий первого эшелона.

Каменный подвал полуразрушенного кирпичного дома с белыми колоннами. Полумрак. Духота. В подвале – командный пункт командира 49-й дивизии генерал-майора Богдановича. Своеобразный человек. Резковат. Ниже среднего роста. Маленькое морщинистое лицо с острым подбородком и глубоко сидящими пронзительными глазами, кажется свирепым.

Вошёл капитан. Повернулся к генералу, негромко доложил. Это командир батальона, назначенного в передовой отряд.

– Возьмите батарею САУ. – Генерал подробно, не спеша, перечислил все огневые средства, которыми усиливается батальон. Генерал ещё долго сообщал данные о командирах приданных средств. Потом, не доставая карты, комдив начал перечислять пункты маршрута движения отряда. Снова до деталей.

Утром 15-го с рубежа Зволень – Цепеллюв для развития успеха был введён 9-й танковый корпус. Для поддержки ушли к танкистам Володя Белоус и Вася Белевитин. Белевитина оставили при штабе корпуса, а Белоус с разведчиками и радистом сел в командирский танк 95-й танковой бригады. Солдаты остались на броне, а Белоус забрался к танкистам в башню.

Дружно пошли танкисты. Сокрушителен их огонь и таран. Бегут фрицы.

Прошли рубеж. Бабин – Секерка. Вдруг справа, из леса, грохнул выстрел. Один танк, шедший по шоссе около нас, остановился. А весь экипаж мёртв. Из соседнего танка на ходу выскочил танкист. Подбежал к остановившемуся танку, сорвал шлём. Ветер подхватил длинные волосы.

– Лёша!!! – Резанул по сердцу иступлённый женский крик.

Правее стал ещё один танк. Задымил. Вспыхнул. В нём же Белоус! Эх, Володя! Неужели отзвенела твоя гитара? Но горящий танк стреляет! Держится, значит, Володя! Один фашист развернулся на сорванной гусенице. Густо задымил второй. Встал, клюнув пушкой в бугор, третий. Мы бросились к Володиному танку. Смотрим – Володя в закопчённом полушубке, в тлеющей ушанке тянет из люка танкиста. А у самого всё лицо в волдырях и совсем нет бровей. Виновато улыбается. Вот так «Тихий!».

За этот подвиг лейтенант Владимир Никитович Белоус был удостоен звания Героя Советского Союза. Он стал первым героем в бригаде. В это же время представлен к высокому званию и комбриг.

А наступление развивалось стремительно. И невозможно уследить за линией переднего края, границей между своими и врагом. Всё перемешалось. Нет границы. Всё неудержимо несётся на запад.

Противник пытается задержать нас на реках Дзежичке, на Варте. Наши сходу сбивают слабые заслоны и снова идут вперёд.

До Одера серьёзного сопротивления не встретили. Хотя бывали случаи, когда в неразберихе чуть не в одной колонне с нами ехали немцы. Как-то Карманцев на трофейном автомобиле затесался нечаянно в немецкую колонну. Ночью. В лесу. Хорошо, что вовремя заметил: свет замаскированных «прищуренных» фар выхватил в кузове переднего грузовика немецкие остролобые зимние пилотки.

25 января бригада сосредоточилась в Калише. 27-го прибыли в Вещчин. 30-го в Рухацице свернули с основной дороги. Проехали километра два, асфальт

закончился. Деревня. Посреди костёл. Это Гнин, наша очередная дневка. Пока водители осматривали технику, заправлялись, начальник политотдела бригады подполковник Гостев собрал офицеров и зачитал Обращение Военного совета армии. В ответ на обращение наш первый герой, лейтенант Белоус сказал: «Будем стремиться первыми дать артиллерийский залп по Берлину».

На Берлин нам уже указывали дорожные знаки. А на картах, в левом нижнем углу, по одну сторону прерывистой, в «шашечку» линии границы было написано – «Польша», а по другую – «Германия».

Старую границу Германии пересекли перед Бомстом.

К вечеру 2 февраля, сделав очередной маневр в сторону, остановились в Раккау. Это первый привал на немецкой земле.

«НА БЕРЛИН!»

33-я армия готовилась к решающим последним боям. В конце марта сообщили пленные, что во Франкуфрт приехал Геббельс. И на совещании генералов и офицеров сказал: «Одер с историческим городом Франкфурт – последняя преграда к центру Германии – Берлину. Поэтому эти позиции должны быть удержаны, во что бы-то ни стало».

Перед фронтом армии сосредоточились крупные силы противника. В общем-то, обычный для конца войны пёстрый состав спешно надёрганных, но фанатичных частей и соединений. Артиллерия перед нами насчитывала 269 стволов. В пехоте мы превосходили в два раза, в артиллерии в шесть раз. Однако малые размеры плацдармов не отвечали необходимым требованиям развёртывания войск армии для наступления.

Согласно директиве Ставки,1-й Белорусский фронт во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом готовился перейти в решительное наступление с конечной целью овладеть центром Германии - Берлином.

Командующий 33-й армией генерал-полковник Цветаев принял решение прорвать оборону противника на двух направлениях. Главный удар армии наносился 38-м и 16-м корпусами южнее Франкфурта. 62-й стрелковый полк наносил удар южнее Брискова. Общее направление обоих ударов - Потсдам, Брандербург. Наша 142-я бригада, теперь уже под командованием полковника Ламина, составила подгруппу ДД 62-го корпуса. И вот 16 апреля в 5.45 ударили все орудия. Высокая плотность артиллерии позволила предельно сократить продолжительность артподготовки. Неистовый грохот

продолжался всего 30 минут. Всё заволокло дымом. Артиллерия противника была подавлена полностью.

Но фашисты отовсюду беспрерывно вели яростный ружейно-пулемётный огонь. Места заселены густо. Одна деревня смыкается с другой. Кругом каналы, канальчики, канавы. И всё это было приспособлено к обороне. Непрестанно огрызается многочисленные бронеколпаки и бетонные огневые точки. Особенно неистовствуют фаустники.

За первый день наступления, преодолевая исключительное упорство врага, мы продвинулись всего на 5-7 километров.

Брисков заняли только на следующий день. Амбразуры кругом: вместо подвальных окон, в бронированных колпаках, в стенах зданий электростанций Брискова, внутри зданий и между машин. Даже в аккуратно уложенных штабелях брикетов бурого угля. И всё это ожесточилось и ведёт огонь. А вокруг – жёлтые и серые пустые трубки фауст-патронов.

19 апреля, несмотря на все условия, наше продвижение исчислялось буквально метрами. Трудно, дорого достаётся нам каждый метр, каждая амбразура. В этот день заняли, наконец, восточную, правобережную часть Франкфурта. А достичь рубежа, намеченного на первый день наступления, 33-й армии удалось только 20 апреля.

Особенно ожесточённо дрались здесь за деревню Хоэнфельде. Две дивизии ведут бой за Хоэнфельде. Утром мы с трудом зацепились за крайние домики. Потом из окна в окно, от садика к садику к середине дня подобрались к центру. Отбили кирху. По шатким, прогнившим ступенькам Рыков и Белевитин с разведчиками забрались в колокольню. Установили стереотрубу, подтянули телефон. Осматриваемся.

С колокольни открывалась широкая панорама боя. Слева, за каналом, у озера - город Мюльрозе.

Впереди из лощины торчат верхушки деревьев. Это деревня Дубров. А дальше – большой массив леса. В лесу дымят какие-то трубы. Дыму много. Дым и ближе, под колокольней. Но это от разрывов. Видно, как далеко внизу ползают коробочки – танки, мечутся маленькие человечки. Вскакивают, бегут, падают, снова вскакивают. Вон из леса, левее Дуброва выполз ещё один маленький танк. Как игрушечный. Остановился. Медленно повёл тоненькой пушечкой с неуклюжим набалдашником на конце. Ярко блеснула искорка – как в зажигалке. Дикий грохот потряс колокольню. Зияет огромный провал, где только что была стена. …

– Хорошо ещё, что болванка. Без осколков, – почему-то шепотом говорит Белевитин.

А бой продолжается.

Вперёд! Вперёд! В роту! – торопит по телефону командир дивизиона.
Первым должен идти вперёд командир батареи. Вася забирает своих солдат, снимает стереотрубу и спускается в люк и выходит из церкви.
Кто-то из пехотинцев сказал Белеветину, что командир стрелковой роты за шоссе, в отдельном домике, Белеветин с радистами и разведчиками – к домику. Дверь настежь. Под ногами хрустит стекло. В домике, кроме прижавшихся к простенкам нескольких солдат – никого. Впереди, говорят, только немцы. Значит дальше пока идти некуда.
– Остаёмся здесь! – решил комбат.
Вдруг вбежал запыхавшийся сержант-пехотинец.
– Отходит батальон!
Пока Блеветин передал об этом в штаб, сняли стереотрубу, пока свернули рацию – в домике никого из пехотинцев не осталось. А когда Белеветин выбежал на крыльцо, то понял, что отходить поздно.
Рукоятка пистолета стала вдруг горячей и липкой. Справа и слева на шоссе вышли немецкие танки. Один танк, выворачивая чёрные комья земли , резко развернулся на обочине, сплющил, как картонную , одинокую сорокапятку и, накренившись пополз к домику, утюжа гусеницей кювет. Спереди к дому подкрадывалась немецкая пехота. Вокруг рвались снаряды. Один с треском ударил в угол дома. Все инстинктивно бросились назад, в дверь.
«Отходить на шоссе – верная гибель. Остаться – долго ли продержимся»- с быстротой молнии мелькнуло в мозгу Белеветина. – «Так можно и в плен попасть. Нет! Только не плен!».
Комбат вдруг успокоился. Всё стало ясно и просто. Он решил, что надо делать.
– Григорьев! Связь! Быстро! Всем в подвал.
Радист торопливо стащил с плеч рацию. Тяжело опустил на пол возле стены. Вставил штырь, включил, настроил, вызвал штаб. И Вася ровным голосом передал координаты цели – координаты своего домика!
Когда стих грохот, все услышали нарастающее «ура».
– Наши?!!
Молодец, Васька! Трудно решиться на такое.
В политдонесении нашей бригады об этом случае сказано одной строкой: «В бою под Хоэнфельде старший лейтенант Белеветин вызвал огонь на себя».
Здесь, на рубеже Маркендорф-Хоэнфельде, войска 33-й армии неожиданно натолкнулись на необнаруженную ранее оборонительную полосу противника. Её отлично замаскированные позиции были заняты большим количеством войск. Командованию армии пришлось на ходу организовывать

прорыв. Но в это время большая часть артиллерии, меняя позиции, находилась в пути. И чтобы компенсировать недостаток артиллерии, командующий артиллерией 33-й армии, генерал Бодров приказал вывести все орудия на открытые позиции. В том числе и крупные калибры, включая и наши.

Первая батарея, а за ней и весь дивизион, вышли на прямую наводку. Под огнём развернул своё орудие Вася Конышев. Как раз у отметки 42,0. Против Маркендорфа. Открыли огонь дивизионом. Здесь же, у орудий, командир дивизиона капитан Пелипас. Его дивизион уничтожил восемь пулемётов, до сотни фашистов. Вскоре наша пехота под прикрытием огня дивизиона заняла Маркендорф. Почти без потерь. Вот что такое огонь прямой наводкой. 152 миллиметровых орудий! Дивизион снимается с позиций, идёт вперёд.

В грохоте, в шуме склонились над приёмниками звукометристы. Как живые, по ленте скачут самописцы. Вот, кажется, успокоились. Внимательно рассматривают дешифровщики Володя Кузнецов и Саша Жигунов систему запутанных линий на ленте, отыскивая стрелявшую батарею. Вот и готовы координаты. Есть опять работа огневикам.

К вечеру 20 апреля большая часть Хоэнфельде была в наших руках. Бой затихал. Бригада расстреляла за сутки 1318 снарядов.

Утром 21-го возобновили наступление. Хоэнфельде очистили полностью.

И снова контратака. Из-за бугра выползло пять танков. За ними десятка два немцев. Наши пехотинцы редкой цепочкой лежат внизу вдоль придорожной канавы и ещё не видят немцев. А у нас, как на грех, перебило связь. Старший сержант Голубев напрасно старается по рации вызвать «Тулу». «Тула» не отвечает. А танки уже спускаются с бугра. Затрещали пулемёты, захлопали пушки. Вот и наши увидели танки. Бросились по канаве влево, в рощу. А один, у «максима» остался. Спокойно водит своим тупорылым пулемётом по сторонам, вправо, влево. Упал один фриц, за ним еще, еще. Откуда-то из рощи рявкнула сорокапятка. Остановились танки. Попятились. Вернулась в свою канаву и пехота. Вот так порой успех боя зависит буквально от одного храброго солдата.

Командир взвода Рыков Виктор с разведчиком Дмитриевым и радистом Голубевым выехали назад, вы Цильтендорф.

Приехали. Поразила тишина. Выбрали дом повыше, залезли на чердак, осмотрелись. В лесу не видно никого. Слезли. Представился подполковнику, командиру 119 (УР) укрепрайона.

Условились о связи и порядке целеуказания, возвращаемся к дому, где оставили машину. Что такое? Откуда-то звучит музыка! Играют на рояле.

Необычные, совсем забытые бравурные аккорды врываются откуда-то снизу, из глубины и свободно плывут по притихшим пустынным улицам.

Оказывается, пока мы с Дмитриевым выясняли обстановку Голубев откопал в подвале дома, за которым мы поставили «газик», заваленное перинами и всяким барахлом пианино. Музыка, причём музыка серьёзная, была страстью старшего сержанта. Но так, как в тот вечер, в тёмном, захламлённом, пыльном подвале, наверное, он не играл никогда.

С огневыми у Голубева связь была уже установлена. В условное время передал на ОП команду: после нескольких пристрелочных снарядов дать залп двумя дивизионами. Гулко рвутся в тихом лесу снаряды. Противник не ответил на выстрелы. Уровцы попросили повторить залп. Повторил.

Справа, на четырёхгранной островерхой башне во Франкфурте в лучах утреннего солнца трепетал огромный флаг. Значит, и во Франкфурте уже наши военные части!

Но впереди не затихал жестокий бой. 23 апреля 222-й стрелковый полк, который мы поддерживали, подошёл к Дуброво. Плотный огонь прижал наших пехотинцев к земле. Залегли солдаты. Не поднять.

Впереди на «лысый» бугор двинулись наши танки. Вот первый танк поднялся на бугор. И сразу загорелся и остановился. За ним вспыхнул второй, третий… Остальные попятились. Горят на бугре три наших танка. Лежит перед бугром наша пехота.

Захлебнулась атака. Теперь вся надежда только на артиллерию.

Со вторым батальоном полка шёл Берген Сураганов. Этот удивительно смелый и решительный человек был всё время впереди. Взял Сураганов аппарат, катушку кабеля, пополз вперёд. По-пластунски подобрался почти к самой вражеской траншеи. Подключил телефон.

Каждым орудием батареи в отдельности пристрелял Сураганов траншею.

А потом на низких бризантных разрывах открыл огонь на поражение. Он видел, как фашисты заметались по траншее, но их всюду настигали разящие с неба осколки.

Не выдержали фрицы. Вскочили из траншеи и толпой побежали назад к лесу. Поднялась наша пехота, раскатилось по бугру дружное «ура». Без потерь заняла полную трупов траншею. Пошла дальше, в лес… А потом лесом, выбив фашистов, вышла на канал возле Бигенбрюк.

С выходом войск армии на канал Одер-Шпрее, окружённый юго-восточнее берлина противник больше не смог оказать нам организованное сопротивление. Но и наши потери были весьма значительны. Одиннадцать тысяч человек потеряла убитыми 33-я армия за неделю с 16 по 23 апреля.

24 апреля. Мюлтрозе. Город пуст. Из трёх тысяч жителей осталось, писали сводки, десятка два старух и дряхлых стариков. Город мёртв. Но и здесь очередью из-за угла был убит лейтенант Николай Яковлевич Умнов.

Теперь 33-я армия с берлинского направления перенацеливалась чуть левее, на юг, для окончательного уничтожения окружённой группировки 9-й немецкой армии.

Вечером 26-го мы подошли к Беескову. Пехота уже втянулась на окраину города. Оттуда слышна ружейно-пулемётная стрельба. Наши орудия разворачиваются перед Беесковым. Мы с разведчиками и радистами в город. Не видно не зги. Не простая это вещь – ночной бой. Да ещё в городе. Где свои, где чужие, кто стреляет, в кого – не разобрать.

К утру Беесков был очищен. Жителей в городе почти нет. Взято много пленных. Твердят угодливо – «Гитлер капут».

Мы идём гуськом вдоль шоссе. Катков как всегда впереди. Шоссе привело нас в небольшую рощу. Позади километрах в двух, осталась деревня Гизенсдорф. Неторопливо прошли рощу. Всё спокойно. Никаких признаков противника. Покинутые ровики, пулемётные площадки. Через полкилометра лесок кончился. Дорога стала спускаться к ручейку. На противоположном склоне справа, чуть наискось – траншея. За ней снова лес. Тщательно, в бинокль, осмотрели траншею. Никого. Держась ближе к кювету, разведчики направились к ручью. Такая уж за войну выработалась привычка – идти поближе к ямкам, куда можно бы спрыгнуть, укрыться. Это было необходимостью, к которой нас жестоко приучила война.

А вот у вычислителей, что увязались с нами, такой привычки, кажется, нет. Шагают себе посредине шоссе.

Вот и ручей. Дальше небольшой подъём к лесу. Траншея. Видно плохо, ещё туман. Вдруг между деревьями промелькнуло несколько фигур. Спрыгнули в траншею. Трое вдоль траншеи, видны только головы – подбежали к пулемёту. И тут Катков вдруг ясно увидел характерные черные отверстия на кожухе пулемёта: МГ-34. И шары на немецких пилотках!

Всё произошло в один миг. Бросившись в кювет и одновременно надавив на спуск автомата, Катков сразил двух фрицев. «Эх, Коля! Что же ты наделал?! Пропадёшь! Справа же немцы! В левый прыгать надо!»

Катков, видно, и сам понял. Сжавшись в комок, метнулся через шоссе. И не почувствовал, как три пули сразу ударили – в плечо, в живот и в ногу.

Очутившись в канаве, не чувствуя боли, вместе со связистом Зубковым, Коля, меняя позиции, начал отстреливаться.

А вычислители? Они потеряли драгоценные мгновенья. Степовой, как и Лямкин, широко раскинув руки, лежит на шоссе. Тяжело раненный

Прокудин едва сполз в канаву. Зубков тащит его за собой. А пули противно щёлкая и выбрасывая струйки пыли, срезают головки одуванчиков, впиваются в траву. Ещё одна ранит Прокудина в грудь.
- Оставьте меня, уходите….
Да разве бросишь!?
Когда доползли до рощи, Прокудин уже не дышал. Круглая стриженная голова на детской худенькой шейке бессильно перекатывалась с плеча на плечо.
У Каткова землистое лицо. В живот же. Плачет навзрыд.
- Чуть-чуть не до воевал, начальник!
А сержант Лямкин, весёлый, беззаботный говорун, топографы Прокудин и Стеновой, так и остались там, у рощи. В трёх километрах от Шпрее. Нет, похоронили их в Аурите.

ОДЕР

В ночь с 2 на 3 февраля передовые части 33-й армии вышли на Одер. У Аурита, южнее Франкфурта. На следующую ночь приступили к форсированию. И к утру 4-го заняли кусочек дамбы на западном берегу. Орудия бригады встали на позиции возле Цибингена и левее. Первый дивизион стал против Фюрстенберга. Наблюдательные пункты на чердаках и верхних этажах заводских корпусов в Цибингене. Далековато. Но хорошо просматривается вся сторона противника.
С колокольни в Аурите прекрасно наблюдалась плоская, как ствол, левобережная пойма реки. Снегу почти не было. Лишь вдоль многочисленных канав поблескивали белые полоски. За поймой, километрах в шести-семи обзор закрывали сплошной лес и жёлто-красные коробочки домиков в селениях Визинау, Цильтендорф, Фогельзанг. Справа, ближе к Франкфурту, возвышались шесть высоченных серых труб и громоздились серые же корпуса электростанции Брисков.
Эти шесть труб мы увидели давно, когда подходили к Одеру. Тогда электростанция работала. И вот тут мы, кажется, впервые за всю войну попользовались немецким электричеством. Всю войну мы освещались коптилками, сделанными из сплющенной гильзы от сорокапятки с фитилём из байковой портянки.
Дня два на Одере, пока фриц не отключил нас, светили яркие электрические лампочки.
Злые бои за расширение плацдарма шли по 7 февраля. Нам удалось занять всю заболоченную равнину и выйти на дамбу, восточнее Брискова, взять

Визенау, подойти к Цилтендорфу и Фюрстенбергу. Отчаянные контратаки отбивали днём и ночью. За три дня мы отбили 20 контратак.

Ночью возле Аурита сапёры построили мост. Это была единственная переправа на всём плацдарме.

Доставалось мосту зверски. Налетевшая 9-го авиация вдребезги раскромсала мост сразу в нескольких местах. Сапёры снова залатали мост. Тогда фриц пустил по переправе несколько самолётов – снарядов ФАУ-2. В сам мост, правда, не попало, но грохало здорово. Спускал ночами по течению плотики с минами. После первых плотиков, которые разрушили мост в нескольких местах, сапёры поставили выше по течению улавливающие сетки. А артиллерия била по переправе беспрестанно. В общем, по мосту можно было двигаться только ночью. Все предпочитали пользоваться лодками, но тоже, конечно, ночью.

Связисты вначале прокладывали связь по мосту, но обстрелы моста рвали нещадно связь, а потом, восстанавливая её, часто путали свою нитку с чужой. Вызываешь свою «Грозу», а тебе отвечает какая-нибудь «Сосна». Да и не мудрено, ведь на мосту проложено более десяти линий связи разных частей и подразделений.

Выход нашли, когда обнаружили недалеко от моста уложенный по дну трос. Стали кабель крепить к тросу и снова опускать на дно. Порывов не стало, но другая беда: намокал кабель и связь терялась. Приходилось менять кабель и просушивать вынутый из воды. Со связистами Кузьменко и Малецким в 3-ем дивизионе работал и Ваня Веклич. Веклич – совсем мальчик. Он не связист. Разведчик. Но приходится помогать товарищам. Веклич вечно чем-нибудь не доволен, вечно ворчит, щуря свои маленькие глазки под круглым, выпуклым лбом. Но это у него так, «от характера». Ругает всех и вся, но прыгает с самым тяжёлым барабаном красного трофейного кабеля впереди всех.

Севернее Брискова, перед Лоссовом, существовал ещё один плацдарм. Совсем маленький: километра полтора по фронту и с полкилометра в глубину. Обороняла этот плацдарм 89-я армянская стрелковая дивизия – национальное формирование. Дивизия удерживала кусочек железнодорожной насыпи и небольшой лесок на самом берегу Одера. Туго здесь приходилось.

Когда войска 1-го Украинского фронта вышли на Нейсе, на одну линию с нашим фронтом, необходимость в особой заботе об открытом фланге миновала. 38-й корпус был перегруппирован на правый фланг 33 армии, к Франкфурту. Полоса 33-й армии сужалась и перемещалась вправо.

Переместились вправе и наши дивизионы. Теперь НП дивизионов разместились между двумя плацдармами, на высоком, поросшем соснами

обрыве правого берега, южнее Шветига. 3-й дивизион устроил себе шикарный НП из сосновых половинок, врытых полностью в землю. Впереди широкая амбразура от стены до стены. Возле амбразуры по углам – два настоящих стола, не из снарядных ящиков. На столах – планшет, карты, приборы. В амбразуру смотрят две стереотрубы. Около них настоящие стулья. У стены сзади плюшевый красный диван. Сверху – три наката. С таким комфортом за всю войну мы не оборудовали НП.

В амбразуру был прекрасно виден справа весь Франкфурт с его готическими постройками. Ещё правее, на окраине Франкфурта заводские трубы. Некоторые дымят. Туда нам стрелять запрещено. Говорят заводы химические. Впереди за Одером деревня: Лоссов. Видно, как каждое утро некая фрау кормит кур. Слева – всё те же 6 труб.

Как-то на железнодорожную станцию во Франкфурте средь бела дня прибыл эшелон. Командир разведчиков 3-го дивизиона Рыков Виктор Константинович доложил в штаб дивизиона:

– Товарищ майор, фрицы на станции разгружаются. Разрешите огня!

– Давай! Десять снарядов!

Больше обычно нам не давали. Рыков быстро сделал перенос репера-четырёхгранной башни. Один из снарядов угодил прямо в паровоз. Дыму, пару – полная станция. Только к утру фрицы убрали остатки.

10 февраля немцы начали затопление плацдарма. 11 февраля погиб командир орудия №3922 старший сержант Яков Иванович Никифоров. Пуля попала в голову. Обидно. Всю войну прошёл солдат. И вдруг пуля. Иные скажут - случайная. На войне не бывает случайных пуль. Каждая отлита для человека.

Героя первого выстрела, сильного и доброго, скромного и мужественного Якова Ивановича Никифорова похоронили боевые товарищи. Похоронили на окраине Цибингена, как раз у дороги, что ведёт к Одеру. Недалеко от завода.

Недавно товарищи из Польского Красного Креста сообщили, что фамилия Я. И. Никифорова внесена в списки захороненных на советском военном кладбище в Цыбинке (бывшем Цибингене) повят Слубице, воеводства Зелёна Гура, могила №307.

Командиром сержантского расчёта орудия 3922 стал Василий Семёнович Конышев, бывший артмастер.

Упорные бои за удержание плацдармов продолжались до самого наступления. Дивизионы несколько раз меняли боевые прядки.

Теперь НП Пелипаса, командира 1-го дивизиона на высоченной трубе в Фюрстенберге. Обзор отсюда идеальный. Труба новая, недостроенная. Очень широкая.

Внутри кое-где оставались леса, дощатые помосты, арматура. Это помогало взбираться наверх. Высота точно 118 метров: телефонным кабелем промерено. И всюду снарядные пробоины. Их проделывали по очереди, сначала наши, а теперь немцы.

Лейтенант Юра Попазов, командир разведки 1-го дивизиона успевает, пока доберётся до верха, пересчитать все 254 вбитые в стену скобы, два раза пропеть целиком «Синенький, скромный платочек». А когда, наконец, долезет до помоста у самой верхушки – семь потов сойдёт. И становится не по себе – кажется, что огромная труба, словно тростинка, раскачивается ветром.

Здесь же на Одере лейтенант Рыков из 3-го дивизиона встретил своего брата. Звонят как-то плацдарм, на НП из штаба дивизиона.

– Два часа тебе на встречу с братом. Бегом в штаб.

– Несмотря на ясный день, – говорит Рыков, – бегом к Одеру. Нашёл лодку, переправился благополучно. Вхожу в дом, где штаб. Вижу, там всё готово. И стол накрыт. В дверях – точно, Михаил. Только остриженный, шапка «домиком» до ушей, гимнастёрка…

Старший сержант Рыков, оказывается, воевал всё время рядом, радистом в соседней 22-й артиллерийской дивизии. После этого два брата, два Рыкова служили вместе до конца войны в 142 бригаде.

4 апреля ершовцы провожали своего командира. Виктор Захарович Ершов отзывался в Москву. «Батя» обошёл все батареи, тепло попрощался с солдатами и офицерами. К «бате» все привыкли, сроднились с ним. Невесёлыми вышли проводы.

– Ничего, письма будем друг другу писать, а после войны встретимся . Уже скоро, – говорил он.

Не знал «батя», что не суждено ему встретиться с однополчанами.

На прощанье решили офицеры преподнести ему часы. Хорошие часы, золотые. Ершов молча взял подарок. Встал. Держа часы на ладони, обвёл полными слез глазами своих соратников. Снова посмотрел на часы, снова поднял глаза. Медленно сжал часы в кулаке и…. с силой швырнул их об стену.

Чем измеришь фронтовую дружбу? Чем оплатишь её?

Ершов сдал бригаду полковнику Ламину, а сам вместе с Сашей Моровым, своим бессменным ординарцем и шофёром уехал в Москву.

Уже после войны Саша рассказал, как добирались они.

Несколько дней провёл Виктор Захарович у родных в тихом арбатском переулке. Днём уезжал на Солянку по делам. Однажды, вернувшись после такой поездки, сказал:

– Опять на войну. Теперь – на Восток.
16 апреля, как раз в тот день, когда ершовцы пошли на Берлин, Виктора Захаровича пригласили в Кремль. Героям войны вручались награды. Вручал Михаил Иванович Калинин. Полковник Ершов награждался орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

КОЛЯ БЕРЕЗЕНЕЦ

Начало августа 1944 года на участке фронта, непосредственно подходящего к границе Восточной Пруссии отмечалось жесточайшими боями в районе города Вилкавишкис. Город несколько раз переходил из рук в руки, пока окончательно не удалось в нём закрепиться.
И вдруг бои смолкли. Как будто уставшие и оглушённые солдаты, и наши и немцы не сговариваясь, решили отдохнуть и не тревожить друг друга. Наступила тишина, до звона в ушах, давящая всей своей необычностью. Тишина, предупреждающая о том, что пройдёт какое-то время, и вновь разгорится бой кровавый, жестокий, бескомпромиссный. И самое нужное – это вот такая неожиданная тишина, возникшая среди боя.
Вот в такой обстановке я встретился с Колей Березенец. Стройный, подтянутый, опрятный (в этой боевой обстановке) красавец лейтенант не выставлял себя на показ, не бравировал своей внешностью и беспредельной храбростью в бою.
В свои 19 лет, он уже успел побывать в боях, в госпитале и снова вернуться на передний край, а орден «Красной Звезды» красноречиво свидетельствовал о том, что он не зря командовал взводом разведчиков.
Восточная Пруссия – цитадель немецкого юнкерства и генералитета. И немцы делали всё, чтобы отбросить наши войска от границ за Неман, «Линию катастрофы», как её именовали. На узком 3-х километровом участке против нас немцы сосредоточили силы, намного превосходящие наши и в том числе танковую дивизию СС «Великая Германия».
Два дня стояла тишина. И только разведчики (тихо) выполняли боевое задание. 9 августа, яркое солнечное утро. Не шелохнётся ни травка, ни листок и только слышно, как стрекочут кузнечики, поют свои песни птички, да перелетают с цветка на цветок бабочки, взмахивая своими разноцветными крылышками.
И вдруг эту тишину разорвал гул артиллерийской стрельбы, а разрывы начали ложиться всё плотнее и плотнее, вспарывая зелёное цветение.

Коля Березенец вместе с двумя бойцами находился на переднем наблюдательном пункте, в расположении пехоты на небольшом, чуть возвышающемся пригорке, именуемым безымянной высотой (с отметкой 126, 3). Лейтенант Березенец получил задание найти огневые точки противника и корректировать огонь батареи. Правее наблюдательного пункта, в непосредственной близости от фашистов находилось отдельное дерево, которое как-то по волшебству не было затронуто ни нашими, ни немецкими снарядами. Лейтенант принимает дерзкое решение. Под прикрытием огневого налёта противника добраться до дерева и с него вести разведку и корректировать огонь батареи. Оставив на наблюдательном пункте бойцов, он взял всё необходимое для связи, командирскую планшетку с картой и пополз к дереву.

Разведчики внимательно следили за передвижением своего командира, восхищаясь его ловкостью. Иногда разрывы скрывали его из глаз, закрывая Плотной пеленой оседающей земли и дыма. Когда разрыв ложился близко от лейтенанта, и он замирал на месте, казалось, что он ранен или убит. Но проходило мгновение, и он снова упорно и ожесточённо полз вперёд к намеченной цели. Он знал, что должен доползти (чтобы корректировать прицельный огонь наших орудий и не дать немецкой артиллерии вести огонь по нашим позициям безнаказанно). Он дополз.

Забравшись на дерево, он выбрал удобное положение для наблюдения. И зумером вызвал свой наблюдательный пункт: «Белка!…Белка!, я Бобр, как слышишь?»

Связист с радостью ответил, что слышит хорошо и что с командного пункта спрашивали, где он находится, Березенец определил свои координаты и сообщил для передачи на командный пункт, что ведёт наблюдение за противником.

Внимательно следил за участком фронта в полосе наблюдения. По звуку выстрелов и вспышкам определял место расположения огневых позиций противника и наносил на карту, Затем передавал координаты обнаруженных огневых позиций для ответного огневого удара.

Пристрелочное орудие сделало первый выстрел, который отклонился от цели. Лейтенант скомандовал: «Левее, ноль – ноль – пять! Прицел, восемь-ноль! Огонь!». Разрыв … и снова команда: «Правее, ноль – ноль - два! Прицел, Восемь - восемь! Огонь!». Разрыв….. – «Прицел, восемь - четыре! Прицел, восемь - шесть!». «Беглый огонь!», – продолжал координировать лейтенант.

Последний беглый огонь батареи, и вражеская артиллерийская батарея стала вести огонь с перебоями и после второго огневого налёта нашей батареи совершенно замолкла.

Рассматривая в бинокль глубину расположения противника, Березенец заметил на опушке скопление танков. Часть танков под гул артиллерии передвигалась из глубины к переднему краю и сосредотачивалась для атаки.

Он нанёс скопление танков на карту и передал на командный пункт. В это время разведчики передали, что он обнаружен немцами, и они пытаются с двух сторон подползти к нему.

Лейтенант осмотрел местность и заметил передвигающиеся точки. Их было пять. С одной стороны трое, с другой – двое. «Нет! Так просто вы меня не возьмёте!» Он скомандовал своим разведчикам держать под огнём двоих слева, которые могли отрезать ему путь отхода, и не давать им передвигаться. Затем сообщил данные для стрельбы по танкам. И он подал команду, вызывая огонь на себя. Снаряды ложились рядом с деревом. Спускаясь вниз, лейтенант слышал, как со свистом вибрируя в воздухе, пролетали осколки рвущихся снарядов, некоторые из них срезали ветки или врезались в ствол дерева. Когда он спустился с дерева на землю, раздался оглушительный взрыв. Снаряд разорвался у самого дерева. Мощный поток взрывной волны, комья земли, гарь от разрыва снаряда, свист веером разлетающихся осколков оглушили его, запорошили глаза и на какое-то время вывели из сознания. Очнувшись, лейтенант осмотрелся, ощупал себя, попробовал двигать руками, ногами и обрадованно обнаружил – не ранен, цел.

Старое дерево выдержало и своей грудью защитило лейтенанта. Немного опомнившись, он осмотрел местность, На месте, где находились три фрица, виднелась воронка от взрыва снаряда, и их трупы разметало по сторонам. А другая группа уползла в свои траншеи. Лейтенант открыл аппарат, прикрепил его на спину и пополз к наблюдательному пункту.

Ползти было тяжело, провод задерживал движение. Пот солёный и горький заливал глаза и вместе с грязью попадал в рот. Лейтенант не отплёвывался, вытирал пот рукой гимнастёрки и полз. И всё же он преодолел всё и дополз к своим. Здесь его ждали. Была получена команда – отойти в район расположения 45-й противотанковой батареи.

Используя неровности местности, мелкие заросли, многочисленные воронки, группа начала передвигаться к новому месту. Немцы беспрерывно вели артиллерийско-миномётный огонь. Разрывы снарядов и мин оглушали и ослепляли бойцов. В рот попадала земля, песок, в горле першило от гари и пыли. Дышать было тяжело и казалось, что этот путь бесконечен и

непреодолим. Хотелось лечь и не двигаться, не вставать, забыться от этого ада. Думалось, что больше не найдётся сил продолжать движение. В этом боевом угаре, под нещадно палящими лучами августовского солнца. Лейтенант подбадривал бойцов – «Терпите ребят! Теперь уже рядом». Он забрал у связиста Грачёва его тяжёлое снаряжение и сам полз вперёд, увлекая остальных за собой. Наконец, достигнув указанного рубежа, лейтенант выбрал место наблюдения, приказал окопаться и сам стал работать сапёркой, чтобы хоть немного углубиться. Время от времени он отрывался от работы, в бинокль осматривал местность впереди и прислушивался. В воздухе слышался шум и свист самолётов. Шёл воздушный бой, добавляя свои мрачные краски к общему делу на земле. Бой всё разгорался и разгорался, становился всё ожесточённее и достигал своего наивысшего накала, когда ничего вокруг не замечаешь и только видишь перед собой идущую цепь противника, которого нельзя никак пропустить и надо заставить повернуть назад или хотя бы остановиться, залечь.
Лейтенант хорошо видел со своего места участок впереди и даже дорогу, идущую в глубине расположения противника. По ней могут подойти танки. А рядом, левее располагалась 45миллиметровое противотанковое орудие.
Сквозь гул артиллерийской канонады лейтенант уловил звуки движения танков, а через короткий промежуток времени и сами танки показались из-за леса. Фырча моторами и лязгая гусеницами, они медленно двигались на наши траншеи, наводя орудиями. На ходу они вели бесприцельный огонь по нашим позициям. Вот они «королевские» тигры, гангстеры, «фердинанды», камуфлированные под местность, целой армадой двигаются в нашу сторону. Они стремились смять, раздавить своей железной хваткой всё на своём пути, подавить психически волю наших бойцов к сопротивлению. Но этот был 1944 год, а перед ними обстрелянные солдаты, не раз встречавшие танковые атаки и смотревшие смерти в глаза.
Все приготовились и ждали приближения танков. Противотанковые ружья, гранаты, бутылки с горючей смесью - всё было приведено в готовность.
С командного пункта пехоты взвилась белая ракета в сторону танков и вслед за ней по переднему краю, уходя в даль, этот сигнал повторился, обозначая передний край нашей пехоты и показывая направление на стоянки противника. Через мгновение откуда-то неожиданно появились штурмовики и на бреющем полёте пошли на танки, сбрасывая бомбы и ведя огонь из «катюш» и пулемётов. В три волны прошли штурмовики, и несколько танков загорелись и остановились. Остальные шли вперёд. Задние обходили стоящие машины и упорно лезли на нас, хрюкая и фырча.

В бой вступило противотанковое орудие. Огневой расчёт орудия посылал снаряд за снарядом навстречу движущим машинам, но слишком слаб снаряд против лобовой, мощной брони танков. Надо было попасть в гусеницу, чтобы остановить танк. После каждого выстрела орудие подпрыгивало, маскировка с него слетела, и наконец, орудие совсем оголилось, выставляя себя на прямой выстрел танков. Они медленно двигались в сторону орудия, и когда орудие, в своей обнажённой смелости, стало перед ними, дерзкое, ершистое, они открыли по нему огонь. Третий выстрел и снаряд разорвался у орудия, его подбросило и перевернуло, а расчёт погиб.

Тогда Березенец перебежками, а где-то ползком начал двигаться к орудию, и когда дополз до орудия, убедился, что огонь вести некому. Лейтенант осмотрев орудие, попытался поставить его на колёса, но сил не хватил. В это время к нему подползли разведчики и сообщили, что получен приказ об отходе. Немцы прорвали оборону на флангах и обошли нас. Мы оказались в «мешке».

Общими усилиями они поставили орудие, проверили и убедились, что всё исправно и только поломана панорама, начали готовить его к стрельбе. После того, как орудие было подготовлено, лейтенант сказал бойцам: «Надо захоронить расчёт орудия. Возьмите документы и закопайте трупы в воронке под берёзой». А сам нанёс место могилы на карту и написал на поле карты бесприцельный огонь – «геройски погибли при отражении атаки фашистских танков 9 августа 1944 года в девятнадцать часов пятнадцать минут».

Когда всё было готово, он отдал карту и все свои документы бойцам и приказал идти на командный пункт, Потом обнял обоих и тихо сказал: «Ну, идите», и добавил: «Да будьте осторожны, на немцев не напоритесь». И на вопрос: «А вы?», ответил: «Я постараюсь ещё задержать несколько танков и догоню вас. На командном пункте встретимся, а если погибну, то так, как умеют умирать советские воины-комсомольцы».

Немцы не обращали внимание на орудие, считая его разбитым и шли на фланг к прорыву, не опасаясь. Лейтенант открыл замок и прямо через ствол навёл орудие на первую машину. Зарядил орудие, тихо сказал: «За родину» и дёрнул за шнур. Снаряд ударился о броню и с визгом ушёл в сторону, лейтенант поправил наводку и снова выстрелил. Танк остановился, попробывал развернуть башню в сторону орудия, но башня не вращалась... Снарядом башню заклинило. Два идущих следом танка развернулись и пошли на орудие. Лейтенант сделал ещё один выстрел без наводки и не попал. Когда он увидел из-за щита, что танки повернули в его сторону, он прыгнул в ровик и в тоже мгновение снаряд из танка попал в орудие и оно,

искорёженное, отлетело в сторону. «Вот и орудие закончило боевой путь», - подумал лейтенант и сказал для себя: «А ведь это неплохо, если три фашистских танка воюют против одного орудия и одного лейтенанта».

У лейтенанта больше не было ничего, чтобы вести борьбу с танками. Остался один пистолет. Он достал его, зарядил новой обоймой, выпрыгнул из ровика и как на учебных стрельбах занял положение готовности к стрельбе. По нему не стреляли, настолько неожиданно – ошеломляющим было его появление перед танками. Он выждал ещё несколько секунд и стал стрелять по смотровой щели. Это всё, что он смог сделать. И когда танк находился всего в нескольких метрах, один из выстрелов попал в цель. Танк остановился, и в это время пулемётная очередь обожгла и прострочила грудь и комсомольский билет Коли Березнеца.

Он упал вперёд с вытянутой рукой, в которой крепко сжимал пистолет, как будто указывал направление атаки и отдавал последнюю команду: «Вперёд на врага, на запад!».

Фашистский танк подошёл к самому телу лейтенанта, остановился и через мгновение двинулся на труп лейтенанта, как будто боясь, что он и мёртвый может открыть огонь.

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Стремительный бросок январского наступления 1945 года поставил гитлеровскую Германию на грань катастрофы. Почти 600 километров прошли наши войска от Вислы до Одера с жестокими боями с яростно сопротивляющимся противником. И вот мы на Одере. Последняя водная преграда на всём протяжении имела укреплённые пункты, узлы сопротивления и крепости Кюстрин, Франкфурт и другие.

Сходу нам удалось занять небольшой плацдарм на левом берегу Одера и навести временную легкую переправу, которую беспощадно бомбили, обстреливали из артиллерии и миномётов и даже пускали устрашающую «Фау-2». Переправу каждый день разрушали, рвали связь. А ночью трудяги – сапёры снова восстанавливали переправу, и пехота, миномётчики и лёгкая артиллерия шли по ней в бой, расширяя плацдарм.

Зажатый дамбами Одер катил свои воды на север. Мутные весенние волны шелестели береговой галькой, выносили на своей спине подобранный весенним паводком мусор и хлам. Иногда они прибивали к берегу трупы солдат. Это сапёры, погибшие во время обстрелов переправы, а то и раненные, не умеющие плавать или не справившиеся с холодной, чужой водой Одера. Ночью их вытаскивали и хоронили здесь же, за дамбой. Было

до боли жаль этих пожилых, семейных солдат, не доживших несколько дней до Победы.

Впереди, преграждая путь на Берлин, стояла деревня Фюрстенберг, ощетинившаяся укреплёнными подвалами и чердаками домов. Она была превращена немцами в мощный узел сопротивления. В течение марта месяца деревня несколько раз переходила из рук в руки и к концу месяца оставалась разделанная на две части. Без поддержки тяжёлой артиллерии и танков наша пехота не могла преодолеть сильный укреплённый пункт.

Для оказания помощи пехоте наша батарея получила задание выдвинуться вперёд, поставить орудие на дамбу против деревни Фюрстенберг и прямой наводкой разбить укреплённый пункт, где засели немцы, и дать возможность пехоте захватить полностью деревню и очистить путь на Берлин.

15 апреля к 15.00 мы прибыли в район огневых позиций на рекогносцировку. Орудия оставили в ближайшем лесу. Выбрали закрытую огневую позицию для батарей за дамбой, а для одного орудия, которое будет на прямой наводке, непосредственно на дамбе, против укреплённого пункта.

К вечеру привели орудия на основные позиции. Расчёты начали оборудовать окопы. На прямую наводку решили поставить второе орудие сержанта Горностаева. В помощь его расчёту выделили вторых водителей отделения тяги. К середине ночи окоп был готов. Оставалось закатить орудие в окоп на дамбу, а это было не просто. Тянуть орудие трактором напрямую – разрушить окоп, да и трактор поставишь как мишень на гребне дамбы. Вручную восьмитонное орудие и всеми расчётами не вытянуть на дамбу. Пошли на хитрость. Чтобы отвлечь противника, разделили трактор на две группы: в одной два трактора, в другой три. Отвели каждую группу в сторону от орудия прямой наводкой на 300- 400 метров с задачей, как можно больше создать шума, находясь за дамбой. Пока трактора обеих групп производили маневры (то поднимались на дамбу, то снова спускаясь вниз, производя отвлекающий шум), один из группы трёх тракторов, оборудованный глушителем и искроуловителем, перешёл через дамбу, и двигаясь вдоль реки, у самой воды подошёл к окопу. Тракторист поставил трактор в створе, орудие – в окоп, распустил трос. Расчёт зацепил трос за боевую ось орудия и по сигналу командира орудия тракторист начал лебёдкой выбирать трос и тихонько тянуть орудие в окоп на дамбу. Нужна была особая осторожность, чтобы орудие не повернуло в сторону. Наконец орудие пересекло гребень возвышения дамбы и колёса стали на площадку окопа. Ещё 3-4 метра и орудие встало на своё место в окопе.

Расчёт начал укреплять орудие, а трактор вернулся в укрытие. Прекратили свою демонстрацию и остальные трактора.

Осталось ждать рассвета, чтобы открыть огонь. Рассвет. Но сколько не всматриваюсь, рассмотреть ничего не могу, видимости нет. Густой, молочно-белый туман висел над рекой, закрывая плотной пеленой противоположный берег. Пришлось ждать. К 9.00 утра туман рассеялся, и перед нами появились очертания строений в деревне Фюрстенберг. Я без труда отыскал объект обстрела. Это было приземистое кирпичное здание, обнесённое кирпичной стеной метровой толщины и высотой около 3-х метров. В стене амбразуры для пулемётов и лёгких пушек. На чердаке здания также установлены пулемёты.

Собрал расчёт орудия. Указал цель и приказал приготовить орудие и снаряды к стрельбе. Решил вести огонь вначале бронебойными снарядами, а затем бетонобойными завершить разрушение узла сопротивления.

Командир орудия сержант Горностаев доложил о готовности орудия к стрельбе. Я запросил разрешение на открытие огня и получил «добро».

Раздалась команда:

«По вражескому узлу сопротивления…Бронебойным! Заряд шестой! Основное направление 17-30! Прицел15! Огонь!»

Выстрел и разрыв слились в единый звук. Снаряд ударился о стену, взметнув облачко красной кирпичной пыли. Она медленно осела, обнаруживая пробоину в стене. Поменял угломер, сделал ещё несколько выстрелов, и ещё несколько пробоин появилось в стене. Меняю команду и перехожу на стрельбу бетонобойными снарядами. После выстрела бетонобойный снаряд углубляется в стену, разрушая стену изнутри. Она поползла вниз, медленно разваливаясь и образуя проход в стене. Стрельбу вели в полусогнутом положении, чтобы не попасть под вражеские пули. А они, посвистывая, по шмелиному жужжа, пролетали над головой вдаль. Иногда звонко ударялись в броневой щит, теряли ударную силу и падали расплющенные на бруствер окопа.

Наводчик Паша Кустов после каждого выстрела открывал панорамное окно, поправлял или изменял наводку и снова закрывал его.

Пули всё чаще посвистывали, сливаясь в нестройный хор. Обстрел немцы вели с чердака. Подключилась и вражеская артиллерия. Но она была не страшна нам. Мы были надёжно прикрыты дамбой и разрывы ложились недолётными и не приносили вреда.

Пришлось перенести огонь по чердаку. После третьего выстрела пулемёт противника замолчал. Сделав ещё несколько выстрелов по стене, за которой находились гитлеровцы, основательно разрушив её, получили команду прекратить огонь.

Пошла на штурм укреплений пехота. К 14.00 сопротивление немцев было сломлено и деревня Фюрстенберг, много раз переходящая из рук в руки , окончательно была занята нашими войсками.
Последняя преграда к «логову» гитлеровцев прекратила сопротивление . Путь на Берлин – открыт.

20.04.1980г.

ПОСЛЕДНИЙ САЛЮТНЫЙ ЗАЛП

Всё теснее сжималось юго- восточнее Берлина кольцо вокруг 9-й немецкой армии, отсечённой от берлинской группировки.
К 29 апреля разгром окружённой группировки был завершён Вендиш-Буххгольц. Именно здесь центр сжатого до предела кольца. Вот всё, что осталось от 9-й армии генерала от инфантерии Буссе.
Центральная площадь, как ни странно, почти пуста. Только на самой середине площади догорает немецкий танк.
Когда мы ещё подходили к Вендиш-Буххгольцу, нам приказали расстрелять все имеющиеся в батареях снаряды. И вот теперь, в течение двух - трёх часов, наши дивизионы вели массированный, небывалый огонь. Главным образом по площадям. Сейчас мы шли по эти площадям.
Здесь же, под Вендиш - Буххгольцем, орудие № 3922 сделало свой последний боевой выстрел. До круглого числа - 5000 – не хватало сотни выстрелов. Более двухсот тонн смертоносного металла обрушило орудие на врага за войну. Идём к Эльбе. Берлин остаётся в стороне. На бортах и капотах машин и тракторов белой краской рисуем треугольники. Большие с метр величиной. Это для американских самолётов. Чтобы знали: союзники! Американские горбоносые бомбардировщики всё чаще стали показываться над горизонтом. Настроение полу-мирное. По всему видно: конец войне.
Немцы сдаются толпами, ищут, кому бы сдаться. 3 мая походным порядком миновали Гольмдорф. Короткий привал – и снова вперёд. Вот и Эльба, воспетая Лермонтовым в его «Воздушном корабле». Здесь река делает крутой поворот и течёт на запад. И мы движемся вдоль северного берега, тоже на запад.
6 мая неожиданный приказ остановиться. В чём дело? Впереди – Цербст. За ним, судя по карте, Эльба.
Скоро подойдут орудия, а мы всё стоим. Решаюсь съездить в Цербст. Говорят, это родина Екатерины Второй.

Ещё 5 мая в город вступил подошедший к Эльбе батальон 89-й дивизии 9-й американской армии генерала Симпсона.
Во избежание всяких случайностей, нам приказали не входить в город. А утром 7-го, когда американцы вернулись за Эльбу, наши войска вступили в Цербст.
Бригада расположилась лагерем в сосёнках, что у шоссе, между Цербстом и Рослау. Возле железнодорожной будки №340. Вырыли землянки вряд. По-мирному. Чуть свет 9-го всех разбудил подполковник Стольников:
- Победа!!!
День 9 мая приказом по бригаде был объявлен праздничным. И без приказа день этот для всех был самым большим праздником! После короткого митинга на лесной поляне состоялся парад. Потом был победный салют. Перед строем бригады установили все орудия в одну линию. Колесо к колесу. Орудие №3922 на самом правом фланге. Рядом с орудиями приготовлено по 12 снарядов на каждый ствол. Снаряды специально доставали из тылов армии. Взрыватели «Д-1», дистанционные. Они срабатывают на высоте через строго определённое время. И вот все мы ещё раз убедились, насколько хороши, насколько точны наши орудия.
Стрельба велась на высоту примерно пяти километров. Залпами. Все разрывы - в струнку, на одной линии. От них образовалась густая гряда облаков.
Потом был концерт бригадной самодеятельности. Фотографировались. И каждый веселился, как умел.
А немцы нацепили на рукава чёрные траурные повязки.
28 мая за прорыв Одерской обороны и наступление на Берлин бригада награждалась третьим орденом – орденом Богдана Хмельницкого II степени. Каждый воин получил ещё одну благодарность Верховного Главнокомандующего – шестую.
А 30 мая 1945 года 142-я армейская пушечная артиллерийская Верхне-Днепровская Краснознамённая орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригада праздновала свою первую годовщину. Память цепко держит тот невозвратно далёкий весенний вечер.
К 18.00 ли личный состав и многочисленные гости нашей родной бригады собрались в цветущем яблоневом саду недалеко от Цербста. Всюду цветы: на деревьях, на дорожках, на траве.
Перед высокой эстрадой на усыпанной перламутровыми лепестками площадке – знаменитая гаубица – пушка. Гордо поднятый ствол обвит яркими лентами. Вдоль ствола – красные звёзды. За каждой звездой подвиг расчёта. Среди звёзд – имя главного героя Первого выстрела полковника

Ершова. У орудия почётный караул. Рядом – наше трижды орденоносное Боевое Знамя. Все помним первый наш бригадный орден – Красное Знамя – за Днепр. Второй орден Суворова – за бои у границы. Третий орден Богдана Хмельницкого – за Берлин.

А сам именинник – расчёт выстроился на эстраде. Вспомнили, как ровно год назад в огне боев родилась бригада. Как за этот славный год мощный огонь её орудий уничтожил и подавил 205 батарей врага, подбил и уничтожил 42 танка, истребил 2500 гитлеровцев. Как первыми ударили по «логову».

А потом под звуки оркестра и наши громкие аплодисменты поднялся на эстраду генерал Бодров. Подходил к каждому, стоящему на эстраде, вручал награды, подносил в русских, гранённых стаканчиках «боевые сто граммов» и каждого целовал.

Потом генерал обратился к нам. И вновь взрыв восторженных аплодисментов и неудержимое «ура»: историческое орудие направляется в Ленинград, в Артиллерийский музей!

Прежде чем расстаться со своим боевым другом, герои памятной августовской ночи решили все вместе сфотографироваться: командиры взводов: В. П. Соколов, М. Г. Кузнецов, командир орудия В. С. Конышев, наводчик И. П. Поздняков, замковой Г. Д. Афанасьев, заряжающий Б. Б. Багаутдинов, зарядный П. Т. Турусов, снарядный А. Е. Казаков, установщик В. А. Андреев. Вместе с героями снялись присутствующие на торжестве генералы армии и комбат В. Н. Белоус. Не оказалось на фотографии второго установщика Т. П. Веневцева, где-то замешкался.

Не было Никифорова, не было Ершова. Нет на фотографии командира дивизиона Пелипаса, начальника штаба бригады Стольникова. Нет и трактористов.

Такую фотографию с печатью и подписями командира и начальника политотдела бригады получил каждый, кто на ней запечатлён. Вот что написано на той, что дали сержанту Багаутдинову: «Вам, лучшему бойцу 142-й армейской, пушечной, артиллерийской Верхне-Днепровской Краснознамённой орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригады командование вручает фотографию. Вы и ваши товарищи из орудийного расчёта первые в Красной Армии произвели выстрелы по германской территории (Восточная Пруссия, город Ширвиндт) 2 августа 1944 года.

Через несколько дней пушку снарядили в путь. В ящик на щите положили запаянный в металлическую коробку формуляр. В нём были записаны все выстрелы – от заводских испытательных, до последнего салютного в День Победы.

В последний раз ершовцы видели орудие №3922, как разукрашенное лентами и цветами стояло оно на железнодорожной платформе.
На том незабываемом вечере, 30 мая, ершовцы прощались не только с историческим орудием, но и друг с другом. Утром 5 июня бригада выступила на Восток. В полдень 7 июня прибыли на место нового и, оказывается последнего сосредоточения. Размерено протекала мирная жизнь Подъёмы и отбои по распорядку, занятия, наряды. Невзначай услышанный вдруг скрип двери, обычный шорох листьев ещё долго вызывали инстинктивное желание пригнуться, как под снарядом или миной. К миру, как и к войне, тоже, оказывается надо привыкнуть.
К концу июня были расформированы стрелковые корпуса нашей армии. 2 июля уехало в Брест управление 33-й армии. Ершовцы частью разъехались по домам, частью кто по моложе, переходили в 8-ю гвардейскую и другие армии. Давно отслужившим все сроки солдатам устраивали торжественные проводы, дарили подарки, вручались грамоты.
Вот что, например, писали командующий нашим фронтом маршал Георгий Константинович Жуков и член Военного совета фронта генерал-лейтенант Константин Фёдорович Телегин нашему бригадному поэту, шофёру Ивану Ивановичу Кангуру. Какие тёплые, согревающие солдатскую душу, слова:
«Вы прошли большой и тяжёлый путь по дорогам войны. Немало суровых испытаний выпало на Вашу долю. Но трудности и лишения, которые пришлось испытать в сраженьях и походах, не прошли даром. На Вашу долю выпала великая честь добить врага в центре его звериного логова и водрузить над Берлином Знамя Победы.
В это великое дело внесли свой посильный труд и Вы, дорогой товарищ. За честную службу на благо нашей Родины объявляю Вам благодарность. Теперь Вам предстоит сменить орудие войны на орудие труда. Желаю Вам успехов в работе. Отдавайте мирному труду все свои знания и силы, как отдавали их делу Победы.
Счастливого Вам пути, дорогой товарищ!»
И разбросали ветеранов по белу свету мирные пути-дороги...

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

К середине сентября союзные войска широким фронтом вышли к западным границам Германии. Советские войска в это время находились у стен Варшавы. Расстояние от обоих фронтов – нашего и союзников – до столицы Германии стало примерно одинаковым. Варшавско-Берлинское направление приобретало исключительно важное значение. Сюда стягивались силы.

Выводилась в резерв Ставки и нацеливалась на Берлин и 33-я армия. А с ней и наша бригада.
Вечером 3 сентября тронулась на юг автомобильная колонна. Через полтора часа двинулись орудия. Отдохнувшие после долгих непрерывных боёв батарейцы выглядели молодыми.
– Смотрите перед поляками и начальством не ударьте в грязь лицом – шутливо предупреждал «батя».
Ехали ночами. Днём, следуя требованиям маскировки отдыхали. Миновали Мариуполь. На его улицах было многолюдно. Непривычно было смотреть на почти мирную жизнь города, на магазины, на казавшихся слишком уж нарядными прохожих, на накрашенные губы женщин. Серсе, Друскеники. Рано утром проехали по чистеньким, опрятным улицам Гродно. Где-то под Брестом по деревянному, недавно видно построенному мосту переехали западный Буг. Это граница с Польшей. Пограничники в зелёных фуражках весело приветствовали артиллеристов.
Едем по Польше. Ничего такого «заграничного». Такие же, как наши, дома такая же земля, такие же люди.
Совершив 400-километровый марш, 13 сентября бригада прибыла на место. Расположились в еловом бору, недалеко от города Парчев. Раскинули палатки. Три дня рыли землянки. Не по-фронтовому, а как в мирных лагерях: в ряд. Переднюю линейку выложили зелёным, пушистым мхом. Получился яркий ковёр, и красиво, и полезно: незаметно с самолёта.
16 сентября приступили к занятиям. Занятия эти, прямо, скажем, были довольно условными. Воины крепко усвоили и работу с буссолью КМТ, и устройство телефонного аппарата УНА-Ф и обязанности орудийных номеров. И не в классе – в бою. Во всяком случае, перерывы, помнится, были не короче уроков.
29 сентября в бригаде праздник. Ершовцам вручалось бригадное Боевое Знамя.
Дивизионы выстроились на большой поляне в виде огромной буквы «П». Справа офицеры, потом оркестр, потом аировцы, за ними за ними зенитные дивизионы. Тылы, как и положено тылам – на самом левом фланге. «Иисусово войско», как шутя, называл эту когорту Ершов. Никто из нас в эту пору не блистал ни строевой выправкой, ни новизной обмундирования, а тыловики в особенности.
Перед строем возле импровизированной, украшенной еловыми гирляндами трибуны – знамя. Его держит незнакомый полковник, представитель Генштаба. Рядом – готовые принять знамя знаменосец и два ассистента.

На трибуне – командующий армией генерал-лейтенант Степан Ильич Морозов, член военного совета, генерал-майор Роман Павлович Бабийчук, командующий артиллерией генерал-лейтенант артиллерии Василий Семёнович Бодров. Генерал зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении бригады орденами Красного Знамени и Суворова II степени. Под звуки оркестра и дружное «ура» генерал Бабийчук прикрепил ордена к полотнищу знамени. Потом награждали бойцов, отличившихся в недавних боях, потом прошли торжественным маршем перед трибуной.

И был праздничный обед за столом. Столы ид длинных досок на поляне между елями. На столах солдатская еда – фляжки с разведённым спиртом. У начальства белели давно забытые тарелки. Гремел оркестр, произносились тосты. Больше всего тостов, конечно, досталось комбригу, нашему «бате», главному герою первого выстрела. Это признал и генерал Бодров. «Ура полковнику Ершову» – раздавались, вспугивая птиц, возгласы.

3-го октября первую батарею принял лейтенант Белоус. Теперь его гитару и тихие песни слушали бойцы 1-го дивизиона.

18 октября поступил приказ о передислокации бригады ближе к Люблину. Через два дня, покинув гостеприимные лесные землянки, дивизионы, частью по железной дороге, частью своим ходом, переехали под Любартув в Новы Двур.

Наступила осень. Холодало. Домики в Новом Двуре удивительным образом укутались по самую крышу осенними листьями. Как ёжики.

Расположились в тёплых ёжиках-домиках, не спеша рыли землянки, проводили занятия. Ну и, конечно, ходили на танцы. Танцевали под непривычные для нас скрипки с непременным турецким барабаном. Дружили с польскими девушками. Будто и не было войны.

Но война шла. И мы, конечно, не забывали об этом. Помню, на одной из политинформаций читал бойцам свежую газету.

«Войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление, прорвали долговременную глубоко эшелонированную оборону немцев, вторглись в пределы Восточной Пруссии. Войска фронта овладели мощными опорными пунктами…Ширвиндт, Науместис, Эйдткунен. Свершилось знаменательное историческое событие. Бои ныне идут на германской территории. Пылают немецкие города. Все сохранившиеся резервы противник бросил на спасение Ширвиндта - первого из немецких городов, попавшегося под удары наступающих советских войск».

Бойцы шумно выражали восторг.

– Гляди! И верно! Ширвиндт!

Уж они-то хорошо знали, как нелегко там, под Ширвиндтом приходится там нашим. Но все мы были горды тем, что среди ударов по «первому из немецких городов» первым был наш удар, выстрелы орудия №3922 2-го августа 1944 года.

30 октября 33-я армия была выведена из резерва Ставки и вошла в состав 1-го Белорусского фронта.

В 1944 году День артиллерии отмечался первый раз. 19 ноября первыми отпраздновали этот день и ершовцы. На торжественном митинге воины бригады приняли приветствие Главного маршала артиллерии Николая Николаевича Воронова военному совету 1-го Белорусского фронта, военному совету 33-й армии, своему новому командиру (с 1-го октября 33-й командовал генерал – полковник В.Д. Цветаев).

Генерал Цветаев приказал полностью восстановить расчёт орудия №3922 в том составе, что был на 22 часа 2 августа и присвоить всем сержантское звание. Тогда среди артиллеристов шла борьба за ефрейторские расчёты. Заслужить звание ефрейторского расчёта считалось очень почётным. А тут – сержантский расчёт.

Командование вернуло в расчёт второго орудия первой батареи тех, кто по разным причинам был в других подразделениях. Расчёт орудия №3922 восстановили полностью.

В то время пока огневые дивизионы по-прежнему оставались на своих местах под Любартувом, разведчики выехали вперёд. 22 ноября дивизион инструментальной разведки развернулся за Вислой на Пулавском плацдарме. 15 декабря вместе с начальниками разведки огневых дивизионов выехали команды огневиков оборудовать наблюдательные пункты и огневые позиции. Выехал на Вислу и полковник Ершов.

Приехали. Городок Казимеж-Дольны. Живописные горы правобережья Вислы. Утренняя морозная свежесть приятно щекочет ноздри. Неясное, волнующее, чуть тревожное ощущение ожидания новизны. Как перед наступлением. Снега ещё нет. «Батя», насупив брови, щурясь от бьющего в глаза солнца, всматривается в белеющие там, за Вислой, развалины огромного средневекового замка, в очертания городка Яновец, в синеющие вдали перелески. За ними, километрах в десяти отсюда, передовая. Но войны не видно и не слышно.

В Казимеже-Дольном от генерал-майора артиллерии, командующего артиллерией 69-й армии Коробченко, оборонявшей плацдарм, Ершов получил и сообщил нам общие сведения об обстановке. И теперь мы стояли на высоком берегу Вислы, курили. Ершов тоже курил, изредка вскидывая голову. Словно порывался что-то сказать. Но что он мог сказать

разведчикам? Им всё было предельно ясно и так. Предстояло снова окунуться в войну. Урывками спать, не снимая сапог и полушубка. Всухомятку грызть пшённый концентрат. Рыть землянки, готовить своим дивизионам районы боевых порядков. И без конца снова скитаться по передовой, уточняя её положение на карте. Да, разве об этом расскажешь? Это надо было пережить.

А в Новом Двуре вечером опять танцы, но…

– Ну, ни пуха вам, ребята, – только и сказал «батя».

И, мы, перебравшись через Вислу по готовому деревянному мосту, разбрелись оврагами и перелесками по своим районам. Навстречу, сверкая бинтами, тянулись раненые. Непривычно было после почти четырёх месяцев тыловой жизни вновь слышать вой снарядов и мин, и видеть окопы и траншеи, трупы, кровь.

Моими разведчиками теперь командовал старший сержант Иван Васильевич Темнов. Рассудительный, обстоятельный, немолодой. А Степан Евченко, красивый, храбрый старший сержант Евченко, навсегда остался в литовской земле. Не услышать больше его распевный украинский говорок.

29-го декабря получили приказ о выступлении в позиционный район на плацдарме и огневики. Маршрут следования: Новы Двур, Барановичи, Бахтоницы, Казимеж, Бжеско. Это 42 километра. В течение 30-31 декабря, совершив марш, огневые дивизионы занимали боевые порядки на западном берегу Вислы. А до этого прибыли пристрелочные орудия дивизионов. Произвели пристрелку реперов.

Новый год встречали на плацдарме. По-разному. У аировцев в обжитом блиндаже командира дивизиона соорудили елку. Правда, из засохшего татарника, но тоже колючую, украшенную разноцветными пыжами от немецких сигнальных ракет. А мы с Колей Кокоревым у себя в блиндаже наполняли жестяные кружки разведённым спиртом. Скручиваем из лёгкого «офицерского» табака по цигарке. «Чокаемся» – «За Победу!».

Так наступил для нас 1945 год.

33-я армия готовилась к наступлению с Пулавского плацдарма южнее Варшавы в общем направлении на Зволен, Радом. Правок крыло армии, сменив соединения 69-й армии, заняло южную часть плацдарма от Яновца до Хотча- Дольны. Здесь через Вислу было три переправы. Левое крыло 33й армии на широком фронте обороняло восточный берег Вислы до Юзевува. Левее был уже другой фронт – 1-й Украинский.

Армейскую артиллерийскую группу дальнего действия – ДД возглавил полковник Ершов. Кроме нашей бригады в составе группы вошли 24-я пушечная артиллерийская бригада, 810-й отряд корректировочно-

разведывательного авиационного полка и один воздухоплавательный отряд, знакомый уже нам по Неману. На период предстоящей артподготовки, кроме того, для борьбы с артиллерией противника привлекалось три бригады из других артиллерийских групп армии.

Дивизионы нашей 142-й бригады заняли огневые позиции в районе Яновца, Бжесце, Люцимя.

Все орудия в дивизионах выстроены в одну линию. Экономим место на плацдарме. Таков приказ фронта. В первом дивизионе справа – огневые позиции первой батареи. Рядом с первой в центре дивизиона – вторая батарея. Сразу слева от неё – третья. Во втором дивизионе стоят по порядку 4-я, 5-я, 6-я батареи, в третьем – 7-я, 8-я, 9-я батареи.

К тому времени, когда огневые дивизионы прибыли на плацдармы и заняли позиции, система обороны противника была в значительной мере вскрыта. Перед фронтом армии занимали глубоко эшелонированную оборону части 214й пехотной дивизии противника. Было известно, что район Рудки обороняет женский батальон. Такие батальоны «амазонок» немцы начали недавно создавать. Перед передним краем – сплошные противотанковые и противопехотные минные поля, паутина колючей проволоки и спиралей Бруно. Артиллерия врага насчитывала 21 батарею.

Оставшиеся до начала наступления дни использовались для пополнения запасов, для уточнения разведывательных данных. Этим вопросом комбриг занимался лично. Весь плацдарм излазил вдоль и поперёк. Часто бывал на НП дивизионов и батарей, на передовой.

Подолгу просиживал полковник в штабе над разведсхемами, на которые ПНШ по разведке Боря Филаткин с педантичной точностью и аккуратностью наносил новые кружочки, подрисовывал к кружочкам новые хвостики – подтверждения «жизни» – цели.

Всё это обязан правильно оценить командир артиллерийской группы и его штаб. И не ошибиться! Прозеваешь, пропустишь действительную батарею, не подавишь её – знай: ты не только врага не поразил, ты поразил своих солдат! Руками оставленных тобой фашистов.

И ложатся под карандашом первого ПНШ Григорьева разноцветные прямоугольнички «огней» на синие кружочки вражеских батарей. К началу артподготовки система артиллерийского огня стала предельно ясной. Не была пропущена ни одна из батарей врага.

С каждым днём на плацдарме становится всё теснее и теснее. Везде, где только можно укрыться: в ложбинах, в овражках, в сохранившихся перелесках, уцелевших постройках – всюду танки, самоходки, машины, пушки, миномёты. В квадратных котловинах ящики с минами, снарядами.

Наступления ещё нет, а немец постреливает. Особенно по ночам. В одну из таких ночей на огневой второй батареи спасали снаряды.
Собрались в блиндаже у печки. Не спалось. Да и не очень уснёшь, если справа и слева ухают разрывы. Как водится, покуривали, вспоминали о доме, тихо пели песни.
Вдруг, словно качнуло блиндаж. Заходили брёвна наката, сверху посыпалось на печурку, запахло горелой ботвой. Мгновенно все выскочили из блиндажа. Справа горит, что-то. Часовой Кустов уже бежит к огню – горели в укрытии ящики со снарядами. Ещё минута-другая, взорвутся снаряды!
Алексей Кустов выхватил горящие ящики, кидал их в снег.
На помощь подоспел расчёт Вороновского. Быстро очистили яму, закидали снегом огонь. Снаряды были спасены.

Операция «Дерзость»

Фронтовые воспоминания

Летом 1944 года близилась к успешному завершению операция «Багратион». К концу июля советские войска полностью освободили Белоруссию, вступили в пределы дружественной Польши, перешагнули Неман – «линию катастрофы, как метко окрестили последний перед «фатерляндом» оборонительный рубеж фашисты.
Первого августа страна салютовала войскам 3-го Белорусского фронта генерала армии Черняховского, освободившим Каунас. Войска 33-й армии пробивались дальше на запад – к германской границе. Уже к исходу 2 августа части 33 армии завязали тяжёлые бои за город Вилкавишкис, который находился в 18 километрах от границы с Германией.
Передовые подразделения 344-й дивизии продвинулись ещё дальше и вышли к узкой и неглубокой, сплошь заросшей камышом, речушке Шеймена. С наблюдательных пунктов мы уже смотрели на колыхающиеся в голубом мареве черепичные крыши немецких городов. Именно здесь война впервые подошла к самому логову врага.
Но чем ближе мы продвигались к границе, тем упорнее и отчаяннее становилось сопротивление врага. Гитлеровцы цеплялись за каждый рубеж, беспрерывно бомбили с воздуха, торопливо стягивали со всех концов рейха во всё новые резервы, в том числе и отборные соединения - танковую дивизию СС «Великая Германия». Захваченные у пленных штабные документы говорили о том, что немцы ставили целью вернуть потерянный

рубеж, прикрывающий подступы к Восточной Пруссии. Ведь от Вилкавишкиса шёл прямой путь к границе!

Наша 142-я армейская пушечная артиллерийская Верхнеднепровская краснознамённая ордена Суворова и Богдана Хмельницкого бригада к вечеру 1 августа заняла позиции в районе Дворкеле, Обшруты, Векеротыщна. Наблюдательные пункты были выдвинуты на рубеж Вилкавишкис и несколько севернее. Минимальное расстояние от огневых позиций до ближайшего участка границы в районе города Ширвиндта составляло 22 километра. Предельная же дальность стрельбы 152-миллиметровых орудий бригады была немногим более 17 километров. Не достать! Как нам хотелось открыть огонь по вражеской территории.

И тогда солдаты попросили командира бригады, полковника В. Ершова, впоследствии ставшего Героем Советского Союза, обратиться к командующему артиллерией армии генерал-лейтенанту Бодрову с просьбой разрешить выдвинуть вперёд хотя бы одно орудие и обстрелять «логово зверя». Шаг был, конечно, рискованным. Предстояло установить перед самым носом противника восьмитонное орудие, подвезти снаряды и вести огонь. Наконец, к вечеру следующего дня был отдан приказ об организации и проведении впервые в истории Великой Отечественной войны артиллерийского удара по гитлеровской Германии.

Каждый воин нашей бригады втайне мечтал участвовать в этом задании. Но из тридцати шести орудийных расчётов выбор пал на расчёт второго орудия сержанта Якова Никифорова.

В 18.30 командир бригады вызвал к телефону командира дивизиона капитана Пелипаса, находившегося на северной стороне Вилкавишкиса. Капитан с радостью выслушал приказ: выбрать временную огневую позицию с учётом обстрела города Ширвиндта, с наступлением темноты вывезти туда орудие и снаряды.

Времени оставалось в обрез. Отдав распоряжение о выдвижении орудия, Пелипас с лейтенантом Карманцевым двинулся в указанный комбригом район. Наконец, в низкорослом кустарнике за хутором капитан забил колышек, а на карте поставил кружок. Здесь ночью будет стоять орудие. Подготовил исходные данные для стрельбы. Семнадцать километров. Придётся вести огонь на полном заряде, хотя это разрешалось только в крайнем случае.

Уже темнело, когда офицеры вышли на дорогу, по которой медленно, почти бесшумно двигался тягач с орудием.

В 22 часа всё было готово. На наблюдательном пункте находился командир первой батареи Ермилов.

– А куда укроете людей?- спросил полковник Ершов. Ведь стреляем на полном заряде. Ствол может не выдержать. Расчёт укрыть было негде.
– Разрешите, я один «разогрею» ствол, - попросил капитан. А вы пока побудьте у дороги.
– Действуйте!
Пелипас подошёл к орудию. И… дёрнул шнур. Грянул выстрел. Всех охватило невыразимое чувство. Война возвращалась туда, откуда она пришла. Афанасьев открыл замок, Багаутдинов забрасывает снаряд, затем гильзу с зарядом. Орудие снова готово к бою. Полковник берёт шнур, снимает фуражку:
– За Родину! По проклятой фашистской нечисти – огонь! – За Минск, «За Каунас», «От Андреева», « От Веневцева», «От Казакова», посылали снаряд за снарядом бойцы.
Гитлеровцы были в панике. Опомнились они много позже, когда дерзкое орудие оставило позиции. Фашистские снаряды и бомбы буквально перепахали пустое место. Беспредметный огонь гитлеровцев позволил засечь огневые точки противника.
Наша 142-я бригада и прославленный расчёт орудия №3922 продолжали бить врага на границе, под Варшавой, на Одере и, сделав под Берлином последний 4900-й выстрел, закончили свой путь.
После победы, 30 мая ершовцы прощались с легендарным орудием. Его было решено направить на вечное хранение в артиллерийский музей. Вся бригада и многочисленные гости собрались в живописном фольварке близ Люккау. В центре стояла пушка-именинница. Её ствол украшали красные звёзды, рядом развивалось боевое знамя. Расчёт выстроился на сцене. Генерал Бодров под звуки оркестра объявил о награждении всего расчёта и расцеловал награждённых бойцов.
Но гаубица до музея не дошла. След её затерялся. Только в конце 1970 года она заняла достойное место среди боевых реликвий воинской славы. 9 мая орудие №3922 было установлено в Центральном музее Вооружённых Сил СССР.